

Воспоминания о С.Н.Рерихе

Коллектив авторов

**Воспоминания о С. Н. Рерихе.
Сборник, посвященный 100-летию
со дня рождения С. Н. Рериха**

«Международный Центр Рерихов»

2004

ББК 87.3

Коллектив авторов

Воспоминания о С. Н. Рерихе. Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения С. Н. Рериха / Коллектив авторов — «Международный Центр Рерихов», 2004

ISBN 5-86988-136-6

Сборник воспоминаний о выдающемся русском художнике, мыслителе и общественном деятеле Святославе Николаевиче Рерихе, чей столетний юбилей отмечается в октябре 2004 г. Большая часть очерков публикуется впервые. Издание иллюстрировано фотографиями из архивов авторов.

ББК 87.3

ISBN 5-86988-136-6

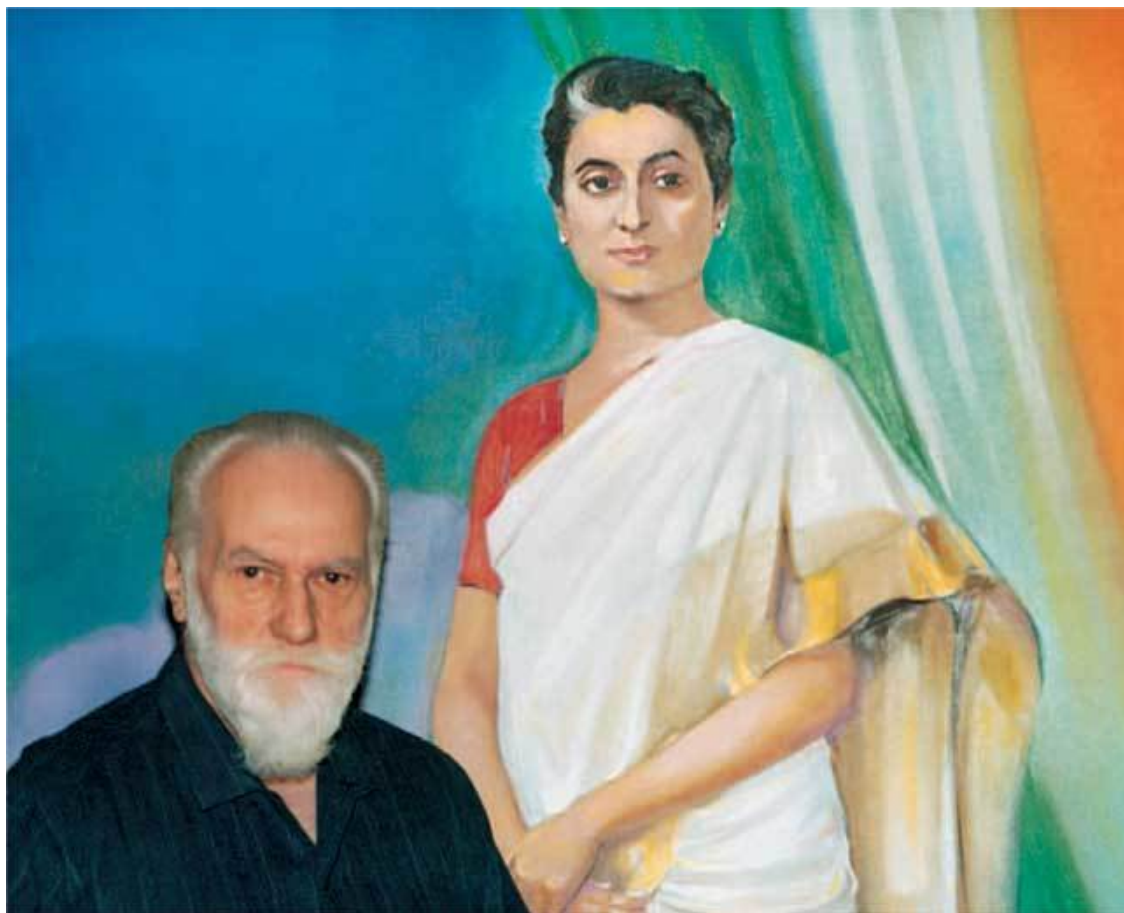
© Коллектив авторов, 2004

© Международный Центр
Рерихов, 2004

Содержание

К 100-летию С. Н. Рериха	6
Беседа с С. Н. Рерихом	7
Вестник Красоты	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Воспоминания о С. Н. Рерихе.
Сборник, посвященный 100-летию
со дня рождения С. Н. Рериха
(составитель Т. Книжник)**

© Международный Центр Рерихов, 2004

* * *

К 100-летию С. Н. Рериха

Я с удовольствием принял предложение написать несколько слов для юбилейного сборника, посвященного 100-летию Святослава Николаевича Рериха, поделиться своими воспоминаниями об этом удивительном человеке.

Замечательный художник, ученый и общественный деятель – С. Н. Рерих, безусловно, личность мирового масштаба. Получив блестящее образование на Западе, долгие годы живя в Индии, Святослав Николаевич не забывал свои корни и очень чутко воспринимал проблемы своей Родины, где, как он говорил, «сошлись Восток и Запад».

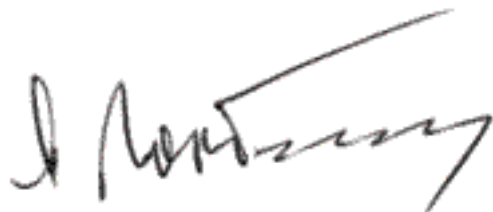
Сын знаменитого русского художника, мыслителя и поэта Николая Константиновича и гениальной женщины Елены Ивановны Рерих, Святослав Николаевич достойно продолжил семейную традицию духовного подвижничества, посвятив всю свою жизнь многогранной общественной, научной и миротворческой деятельности. Унаследовав от отца талант художника, Святослав Николаевич подарил миру изумительные живописные полотна, несущие мощный заряд гармонии и добра. Ну а вклад, который он внес в развитие культурных связей между Индией и Россией, во взаимное сближение и понимание наших народов, просто колоссален.

Я с удовольствием вспоминаю наши с Раисой Максимовной встречи со Святославом Николаевичем и его женой Девикой Рани Рерих в Дели и в Москве. Таких встреч было немного, но каждая из них весьма содержательна и памятна. Это – незабываемые беседы обо всем на свете и, прежде всего, о таких вечных общечеловеческих ценностях, как духовность, мораль, красота, гармония. Раиса Максимовна, относившаяся с глубочайшим уважением к гуманистическим идеям Святослава Николаевича, воспринимала проблему сохранения наследия семьи Рерихов как очень важную для нашей страны. Работая в Советском Фонде Культуры, она с огромным воодушевлением и энергией принимала участие в создании музея Рерихов в Москве.

Замечательно, что сегодня у Святослава Николаевича Рериха есть преданные ученики, последователи и хранители его духовного наследия. С сотрудниками Международного Центра Рерихов нас связывают давние и очень хорошие отношения. Я знаю, с каким энтузиазмом эти скромные симпатичные люди очень профессионально ведут огромную просветительскую работу, преодолевая массу бюрократических препятствий на своем пути.

Со 100-летием со дня рождения Святослава Николаевича Рериха я хотел бы поздравить весь коллектив Центра Рерихов. Думаю, лучшим мемориалом нашему выдающемуся соотечественнику будет добрая память о нем, его делах и бережное отношение к его творческому наследию. Я от души желаю всему коллективу Центра Рерихов дальнейших успехов в их благородном деле, хороших друзей и всего самого доброго.

С уважением, М. С. Горбачев

31.01.2004 г. Москва

Беседа с С. Н. Рерихом

Со Святославом Николаевичем Рерихом я познакомился в Индии, в Дели, приехав туда как Посол Советского Союза. Раньше я, конечно, знал о нем, видел в Москве на всяких церемониях, но личных встреч не было. А тут он сам выразил желание встретиться с новым советским послом. Конечно, я тотчас ответил самым горячим согласием, и он приехал в мою резиденцию.

Первое, что бросилось в глаза, – это его внешность. Он был очень красивый человек. Держался вначале строго, сдержанно, был немногословен. Потому что тогда мы были, в сущности, еще незнакомые люди. Постепенно разговорились, почувствовали друг друга, – и официальность исчезла.

Он оказался очень приятным, вежливым, доброжелательным, готовым к дружеской беседе. Покорял его образ старого интеллигентного петербуржца, какие в России вряд ли остались, его спокойный, уравновешенный голос, тембр голоса, речь – изысканная, красивая, немного старомодная (по вполне понятным причинам), достоинство в сочетании с открытостью собеседнику – все это вызывало с первого же раза уважение и восхищение.

Потом мы встречались много раз и спустя какое-то время, можно сказать, подружились. Между нами была разница в возрасте довольно большая, но она как-то не имела значения. Сблизило нас и то, что мы оба были родом из одного города, хотя и с разными названиями: он из Петербурга, я из Ленинграда; он из старых петербуржцев, я из новых...

Но это было потом. А через несколько дней после первой встречи я пригласил Святослава Николаевича с супругой в резиденцию на ужин. Моя супруга тоже принимала участие. Святослав Николаевич ей очень пришелся по душе, произвел прямо-таки неизгладимое впечатление. Она была очень довольна знакомством с ним, долго беседовала, расспрашивала...

А он познакомил нас со своей супругой Девикой Рани – уже немолодой, полноватой, невысокого роста, словоохотливой, веселой, располагающей к себе женщиной. Девика Рани, как я впоследствии убедился, всегда была готова пошутить, посмеяться, покаламбурить. А он «на ее фоне», как правило, молчал и никогда в шаловливых разговорах не участвовал, лишь сдержанно улыбался. Смеялся редко.

(Кстати, когда я был у них дома в Бангалоре, меня просто ошеломила фотография Девики Рани, снятая в молодости: потрясающая, ни с чем не сравнимая женская красота в восточном, индийском духе, красота и изящество.)

Когда завязалась дружба, встречались мы в основном тогда, когда Святослав Николаевич и Девика Рани приезжали в Дели из Бангалора. Останавливались в гостинице и приходили на завтрак, обед или ужин. Чаще всего мы сидели вчетвером. Или вдвоем: жены наши со своими женскими интересами уходили, и мы со Святославом Николаевичем оставались наедине. И тут наступала пора задушевных бесед.

Я любил расспрашивать про его отца, про знаменитую экспедицию, про Матушку, перед которой он благоговел. Святослав Николаевич показал мне как-то ее фотографии: тоже замечательно красивая женщина, но совсем иной – старопетербургской благородной красотой. Это впечатление усиливалось еще тем, что на всех фотографиях она одета в наряды старинного покроя, какие носили еще до революции. Старый аристократический Петербург, да и только!

Его рассказы о жизни семьи Рерихов были для нас особенно интересны. Но еще мне хотелось узнать как можно больше подробностей о северной части Индии, о Гималаях. Дело в том, что мне как послу следовало хорошо знать всю страну, всю Индию, и не по книгам, а воочию или «из первых уст». Мы много поездили, были в разных городах и весях, но в тех горных районах, где Рерихи путешествовали, бывать не приходилось. Когда Святослав Николаевич начинал рассказывать и увлекался, мы с женой слушали, как говорится, разинув рот...

Говорил ли он об искусстве, о своем творчестве? Почти никогда, по крайней мере со мной. Замыслами тоже, не помню, чтобы делился. А вот порассуждать о том, что в мире творится, он любил, огорчался разного рода «безобразиями». Политика – это моя стезя, поэтому я с удовольствием информировал его о событиях в мире, о том, как я представляю себе их дальнейшее развитие. И вот что любопытно: он внимательно выслушивал, но всегда имел свое мнение, которое часто не совпадало с моим. У него на все была особая точка зрения, я понимаю, какая: я говорил как политик и практик, погруженный в конкретность, видящий сиюминутность и ближайшую перспективу, а он рассуждал как философ и гуманист.

А вообще меня удивляло, что он, человек вовсе не политического склада, натура художественная, так хорошо и четко, хотя и на своей лад, во всем разбирается, в курсе всех событий.

Святослава Николаевича очень заботило то, чтобы отношения между Индией и нашей страной не заколебались, но в тот период они, к счастью, были как раз очень хорошие, прочные. При нашем активном содействии (если не сказать больше) осуществлялись грандиозные экономические проекты, строились заводы, в частности металлургический комбинат в Бхилаи, нефтяные объекты. Все это было очень важно, ко всему этому Святослав Николаевич относился с живейшим интересом и восхищался и гордился нашими соотечественниками. В частности, ведь именно наши специалисты нашли здесь нефть! Англичане, уходя из Индии, сказали: «Нефть? В Индии?! – да что вы! Никогда! Ее нет и никогда не будет». А наши – нашли! В районе Бомбея. И индийцы начали ее разрабатывать. И были жутко нам благодарны, просто жутко! В общем, Индия оказалась практически со своей нефтью. И было ясно, что если она хорошо будет заниматься этим делом и не отдавать нефть другим, то она себя сможет обеспечить. С волнением, растроганно говорил Святослав Николаевич о наших ребятах, которые не ради славы и даже, по большому счету, не ради денег, а просто работали – в раскаленных индийских пустынях, чтобы добыть этой стране энергетические ресурсы.

Словом, отношения между нашими странами развивались хорошо, успешно, и Святослав Николаевич говорил, что так и должно быть. Семья Рерихов, как известно, всегда ощущала себя как бы связующим мостом. Они родились в России, а жили в Индии, фактически были индийскими гражданами. Но жизнь начинали в России. Конечно, это был мост. Мы говорили и об этом, но уже не с экономической точки зрения, а с политическо-дружеской...

В то время между нами было большое военное сотрудничество, которое выражалось в поставках оружия для Индии. Мы поставляли много оружия. Но я как посол был озабочен тем, чтобы убедить индийцев не закупать оружие, а с нашей помощью наладить его производство у себя. Стратегически это было правильно. Истребители («МиГ») они уже делали на построенных нами заводах. А вот с танками, бронетранспортерами вышла заминка. Они говорили: «Да нет, мы лучше от вас будем получать». И мне никак не удавалось их переубедить. Поделился этим со Святославом Николаевичем. Он говорит: «Вот упрямыцы – получать! А если война? Как тогда получать? Через Гималаи мы же не перетащим ничего. А какая-нибудь блокада морская? Что тогда делать? Нет, надо, чтобы поняли, убедились. Надо самим все производить, самообеспеченность иметь в деле обороны». Я охотно с ним соглашался. Правда, влияния на индийскую политику у него особого не было, хотя он и был вхож в правительство. Думаю даже, что на эти темы он с властями вряд ли разговаривал. И сводилось все к тому, что я изливал перед ним свою душу, а он меня всячески поддерживал: «Ну конечно, конечно! Вы правы». Так вот мы и общались, обсуждая всякие важные проблемы.

Очень гордился он портретом Джавахарлала Неру, который написал для Индийского парламента. Полагаю, что он до сих пор висит там в зале заседаний. Святослав Николаевич был в большой дружбе с Неру, а Неру всегда высоко ценил и глубочайше уважал всю семью Рерихов. Этот портрет прекрасно выполнен, с большой любовью к «оригиналу». Чувствуешь, что это портрет не только выдающегося государственного деятеля, но и друга... Был Святослав Николаевич желанным гостем и в доме Индиры Ганди. И не только благодаря своим исключитель-

ным достоинствам и знаменитости, но и потому, что был другом ее отца, – а это в Индии много значит. Можно сказать, они были тоже друзья.

Вот, пожалуй, вкратце и все, что могу сейчас вспомнить.

Юлий Воронцов. Май 2004 г. Москва

Вестник Красоты

Понесем весть о красоте в каждое сердце, в каждый дом. Пусть стремление к прекрасному будет нашей повседневной молитвой... Поиски красоты – это то, что сблизит людей и спасет мир. Нужно в трудные моменты жизни мыслить о красоте.

С. Н. Рерих

Казалось, что этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигая глаза, и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И редко-редко на обочине дороги возникали домишки с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к горячей ленте дороги. И миля за милей, час за часом – плоская желтая равнина, яростное солнце и буйство раскаленной пыли. Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражом, плывшим над этой безлесной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже походили на мираж. Однообразие было таким одуряющим, что я не сразу заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться вверх. Потом холмы сменились невысокими горами, а кустарник – густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте на горах зевом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынная, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа обрыв падал в темноту, где шумела река. Временами я впадала в забытие, тогда дорога и скалы сливались в зыбкий рисунок, дрожавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки справа и слева от дороги.

– Долина Кулу, – сказал шофер. – Теперь нам надо найти Наггар и этот дом.

– Что, разве уже Гималаи? – спросила я.

– Теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла уставшие глаза, но в темноте, кроме редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, ничего не увидела. Река шумела где-то совсем рядом. Воздух стал чуть прохладней, но машина была так разогрета, что это едва ощущалось. И вновь дорога поползла вверх, а машина, с трудом цепляясь за нее, с ревом карабкалась в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. А через несколько минут фары уперлись в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени. Деревянные створки бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

– Рад вас приветствовать в долине Кулу.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты Девика Рани сразу затормошила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух свеж и прохладен, что звезды такие низкие и яркие и все вокруг виллы Рерихов напоено запахом хвои и роз. И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустилась в мягкое кресло, и оно, ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где вилась раскаленная лента дороги по желтой и жаркой равнине.

Потом кто-то коснулся моего плеча, и снова знакомый голос произнес:

– Пойдемте, вам надо хорошо выспаться и отдохнуть.

И Святослав Николаевич повел меня в другую комнату, где стояли две кровати, кресло с высокой спинкой, шкаф, и на камине я увидела большой букет роз.

– Это для вас, – сказал он. – Матушка привезла эти розы из Парижа. Они прижились у нас. Вы завтра увидите целый цветник этих роз. А эта комната была спальней моих родителей. Вы будете спать на кровати моей матушки. Спокойной вам ночи. Увидимся завтра.

То, что мне придется спать на кровати Елены Ивановны, было для меня столь неожиданным, что я некоторое время не могла двинуться с места. И долгое время никому не рассказывала об этом, боясь, что мне не поверят.

Был июнь 1972 года, и я, закончив трехгодичную работу в отделении Общества советско-индийской дружбы, уже отправлялась домой. За несколько дней до отлета в Дели мне позвонил Святослав Николаевич и пригласил в Кулу на две недели. Я согласилась сразу, ибо, живя долгое время в южной Индии, ни разу не была в Гималаях. Вилла Рерихов располагалась на склоне над Нагаром, и оттуда открывался удивительно красивый вид долины Кулу, который я увидела ранним утром.

Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала передо мной, прорезанная лентой бурного Беаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих рощ были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в их изломах дробился голубой цвет неба. Внизу подо мной лежал древний поселок Нагар. Крыши, покрытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А между замком и виллой стоял под трехъярусной крышей древний храм, посвященный богине Трипурасундарам, с которого я и начала под водительством Святослава Николаевича осваивать долину Кулу. В то утро забили барабаны и загудели длинные трубы, и народ в ярких одеждах стал стекаться к храму. Мы со Святославом Николаевичем отправились туда же, и я сразу заметила, как почтительно здоровались с ним, называли «бара сааб» – «большой господин» и расспрашивали его о здоровье и делах. Святослав Николаевич держался со всеми просто, охотно отвечал на вопросы, и через некоторое время мы оказались окружены целой толпой людей в костюмах, скорее похожих на европейские, чем на индийские. И я до сих пор уверена, что именно Святослав Николаевич помог мне установить с жителями Кулу доверительные отношения, которые потом помогли увидеть в долине немало интересного. В тот день торжественно отмечался праздник дасиры. И тогда я впервые встретила богов Кулуты, которых на носилках несли в гости к богине Трипурасундарам. Потом начались танцы, и я увидела, как Святослав Николаевич увлечен этим зрелищем, яркими цветами одежд, серебряными и бронзовыми масками богов, красотой участников праздника. Видимо, и он и я как-то неосознанно наблюдали друг за другом. Когда я привезла много лет спустя наследие Рерихов в Москву, то там был обнаружен его снимок: я с фотоаппаратом охочусь за интересными сюжетами во время праздника. Потом было еще несколько снимков, которые он сделал незаметно от меня – то за книгой, то за писанием. Мы часто гуляли по окрестным горам. И я заметила одну его особенность. Человек, идущий с ним, не уставал на крутых подъемах. Мы много беседовали во время прогулок, а иногда Святослав Николаевич приглашал меня на скамью, стоящую под деодаром, во дворе виллы.

– Ну, так о чем мы сегодня поговорим? – спрашивал он и загадочно улыбался.

Конечно, я не заставляла себя ждать. Меня интересовало многое, особенно то, что связано с сокровенными моментами жизни Рерихов. Святослав Николаевич рассказывал просто

и подробно. За две недели непрерывного общения я накопила большой запас знаний о том, о чем раньше и не подозревала. Но однажды он сказал:

– Это только для вас. Я полагаю, что со всем этим вы обойдетесь бережно.

И он поведал мне об архиве Елены Ивановны, а потом спросил, кому бы можно было передать его в Советском Союзе.

– Мои родители, да и мы с Юрием Николаевичем – все работали для России и то, что сделали, хотели передать ей. А архивы матушки – самое ценное во всем наследии. Это, прежде всего, беседы с Учителем, которые послужили основой Живой Этики. Там много такого, чего еще нельзя открывать. Но я остался один из всех, и на мне лежит ответственность передачи наследия и особенно архивов. Лицо его стало строгим и печальным. Я не была готова сразу ответить на этот вопрос.

– Но что же вы скажете по этому поводу? – настаивал он.

Я была в легком затруднении, ибо понимала, что передача такого архива в Советский Союз ничего хорошего не сулит. Если отдать его в частные руки, то неясно, чем это кончится. Если в какую-либо организацию, то доступа к архиву у нормальных исследователей не будет. И более того, не исключена была и его полная засекреченность. Я объяснила все Святославу Николаевичу. Он слушал внимательно, опустив голову. Потом посмотрел на меня пронизательно, как бы испытующе.

– Значит, – начал он, – вы не считаете возможным передавать архив в Советский Союз?

– Да, не считаю, – ответила я.

– В ваших рассуждениях есть большая доля правды. Оставим пока эту проблему и подождем. – И снова как-то изучающе посмотрел на меня. Весь день он ходил какой-то сосредоточенный, как будто размышляя о чем-то очень важном. В тот день мы с ним даже не беседовали. На следующий день погода в долине испортилась. Облака желтой пенджабской пыли повисли над ней, притушив яркое солнце и закрыв окрестные снежные горы. И там, вверху, образовалась какая-то странная пустота, как будто ни гор, ни солнца никогда и не было. Я смотрела на эту пустоту, и идти мне никуда не хотелось. Около виллы, как всегда, толпился народ. Сюда поднимались туристы, шумные компании студентов. Они останавливались у ворот виллы и робко спрашивали, здесь ли находится галерея картин Рериха. Как обычно, их встречал неизменно приветливый Святослав Николаевич. Он вел посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам были развешаны гималайские этюды Николая Константиновича. Люди подолгу стояли у картин, удивлялись, что они написаны русским, а потом спускались вниз по склону к серому камню, на котором были высечены слова: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Когда, наконец, последняя группа покинула двор виллы, Святослав Николаевич подошел ко мне и задумчиво посмотрел куда-то вдаль.

– Давайте сходим в «Урусвати», – неожиданно предложил он.

«Урусвати» – так назывался Институт Гималайских исследований, созданный Рерихами после Центрально-Азиатской экспедиции.

– Разве что-нибудь сохранилось? – спросила я.

– Идемте, – и Святослав Николаевич направился к воротам виллы.

Мы поднялись по тропинке, вьющейся по некрутому склону, и метров через пятьсот оказались на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стояли два здания Института Гималайских исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска: «Урусвати».

– Весь этот склон и роща, – сказал Святослав Николаевич, – принадлежат Институту. Двадцать акров земли, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, – Святослав Николаевич показал на первый из них, – работали и жили зарубежные сотрудники Института, а в следующем были лаборатории.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом какого-то строения. Оказалось, что там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм долго не поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела повсюду ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, их покрывал толстый слой пыли. По стенам стояли застекленные шкафы.

– Наши коллекции, – коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции и собранные экспедициями самого Института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находились ценнейшие этнографическая и археологическая коллекции. Орнитологическое собрание насчитывало около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая – полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая – содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы прошли в следующее помещение, по стенам которого тянулись полки с книгами – четыре тысячи томов. В одном из зданий обнаружилось оборудование биохимической лаборатории. Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались...

Но тем не менее казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то не зависящими от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лаборатории...

– Вот что такое «Урусвати» теперь. – Святослав Николаевич печально наклонил голову. – Но ведь советские ученые могут здесь работать? – и глаза его улыбнулись. – Об этом не раз говорили и мой отец, и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, – он обвел взглядом вокруг, – может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

И эта тема – «русские начали, русские должны и продолжить» – целый день звучала в наших беседах.

– Вы должны знать, – говорил Святослав Николаевич, – что этот Институт – не просто очередное научное учреждение. В нем заложено будущее нашей науки. Тогда, во время войны и после, судьба Института сложилась непросто, и прервались те исследования и та научная методология, которая была заложена в нем. И заложена была не нами, Рерихами, а нашим Учителем, который создал Живую Этику и планы которого мы выполняли. Вы знаете, все очень интересно было задумано и еще более интересно исполнялось. Во всех этих действиях, в которых мы участвовали, было не только будущее новой науки, но и будущее эволюции человечества, его преобразования, его новых форм существования. Учитель не только передал нам знания, но и руководил тремя действиями, в которых мы все участвовали.

– И что это за действия? – спросила я.

– Вы нетерпеливы, – улыбаясь, сказал Святослав Николаевич, – я все вам расскажу. Этими тремя событиями оказались Центрально-Азиатская экспедиция, по маршруту которой были заложены магниты будущих культурных центров планеты. Огненный опыт Елены Ивановны Рерих, изменивший нашу энергетику, и Институт Гималайских исследований – предтеча новой науки, Новой эпохи.

Все чаще и чаще в наших разговорах звучало: Новая эпоха, новое мышление. А через несколько дней Святослав Николаевич попросил передать его предложение Академии наук СССР. Он хотел, чтобы группа советских ученых прибыла в Кулу и решила проблему совместного с Индией сотрудничества в Институте Гималайских исследований. Я согласилась и передала все это тем, от кого зависело выполнение просьбы Святослава Николаевича. Но сам процесс шел медленно и вяло, обстоятельства менялись, трудности задуманного росли. План так и не был выполнен. Но это не значит, что у него нет будущего.

Я уезжала из долины Кулу ранним утром. Розовели снежные вершины Гималаев. По шоссе тек нескончаемый поток овечьих стад и мешал нашему автобусу. Пастухи-гадди старались удержать овец в русле шоссе. Женщины с коническими корзинами за спинами шли по обочине дороги. Над сланцевыми крышами домов стояли синие дымки. И снова передо мной разворачивалась многокрасочная кинолента долины, такой древней и в то же время в чем-то современной.

Когда вспоминаю Святослава Николаевича, то каждый раз невольно возвращаюсь к моменту нашего знакомства. Оно тоже было необычное, как все, что связано с ним. С того времени и до последнего его часа, часто встречаясь со Святославом Николаевичем, я имела возможность понять, хотя бы в общем, его творческие и духовные особенности, его свойства мыслителя и выдающегося художника...

Помню напоенную пряными ароматами ночь Индии, яркие звезды, запутавшиеся в странно изогнутых ветвях, казалось бы, нездешних деревьев, высокую, прямую фигуру с царственно поднятой седой головой и старого искусствоведа, стоявшего на ступеньках и объяснявшего что-то седоголовому. Тот слушал как-то рассеянно и невнимательно и искал глазами кого-то там, в ночной темноте. Потом его взгляд вдруг остановился на мне.

– Входите, я вас ждал, – неожиданно сказал он, сходя со ступенек крыльца.

И я вошла. Вошла в удивительный волшебный мир, где продолжал царить дух тех двух Великих, давших жизнь тому, кто меня позвал. Вошла, чтобы никогда из этого мира не уйти. Так состоялась в 1968 году моя первая встреча со Святославом Николаевичем Рерихом, младшим сыном Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, художником и мудрецом. Потом были и другие встречи, и каждая из них наполняла мою жизнь каким-то новым и неожиданным смыслом. Мы беседовали с ним часами в его мастерской, где на мольберте стояла очередная, еще незаконченная картина, стены были увешаны тибетскими тханками и индийскими средневековыми миниатюрами, а на книжных полках стояли старинные бронзовые фигурки редкой красоты.

Из всего услышанного мной его фраза «Будем стремиться к Прекрасному», пожалуй, повторялась им чаще, чем другие. Особенно часто она звучала в его устах в конце 1989 года, когда он приехал в нашу страну в связи с организацией Советского фонда Рерихов. Он подписывал ею свои фотографии, произносил ее почти во всех интервью, которые давал газетам и журналам, говорил ее с экрана телевизора. Для него она была наполнена глубочайшим смыслом.

Все четверо Рерихов – единомышленники, их вели по жизни одни и те же идеи, одни и те же задачи, одни и те же Учителя. Живая Этика, или Агни Йога, пронизывала творчество всех членов этой уникальной семьи. Она же и сформировала их мировоззрение. Николай Константинович Рерих назвал это мировоззрение энергетическим. Энергетика одухотворенного Космоса, согласно концепции Живой Этики, связывает все его части, начиная от атома и человека и кончая космическими телами пока еще нам неведомых размеров и качеств. Эта энергетика – главное условие и главный двигатель Космической эволюции человечества. Все то, носителем чего является человек, – его чувства, мысли, дух, тело, традиции, стремления, восприятия, его творчество, энергетично по своей сути и взаимодействует с общей космической энергетикой.

Сказать просто, что Святослав Николаевич был последователем энергетического мировоззрения, значит сказать очень мало. Он был не только последователем, но и толкователем этого мировоззрения. Как зрелый философ, он по-своему сумел осмыслить и развить его важнейшие положения и идеи. «Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, – говорил он об источниках своего вдохновения, – более прекрасному является той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет также нашу жизнь. Без этого внутреннего пламени человек не может разбудить в себе скрытые энергии и не может подняться на более высокий уровень знания и опыта. Это внутреннее стремление к своей кульминации пробуждает к жизни определенные нервы, которые являются проводниками скрытой энергии»¹. Удивительно точные слова – «внутреннее стремление к своей кульминации» – дают нам представление об уровне мышления и литературных способностях Святослава Николаевича. Его привлекали те энергетические процессы, к которым он был наиболее близок, опыт в познании которых накопил в течение своей жизни. Красота, ее суть и роль, ее энергетика занимали, пожалуй, первое место в этом опыте. «Невыразимая аура славы излучается великим произведением, – объяснял он. – Это эманация скрытых вибраций, которые закреплены в структуре высокого творения искусства. Волшебство чувств, мыслей и сильных желаний Великих Мастеров пленено в произведении, излучается на зрителя и пробуждает в нас сходные ответные чувства помимо чисто эстетического и духовного понимания того, о чем говорится. Мы отзываемся на более совершенные сочетания и называем их прекрасными. Мы ценим равновесие и гармонию, так как отзываемся на естественный эволюционный поток, вызывающий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы. Эти великие произведения являются кладовыми громадных энергий, которые могут активизировать и изменить миллионы зрителей и повлиять на бесчисленные поколения через весть Красоты, излучающуюся из них. Такова необыкновенная власть искусства, скрытая сила, всегда присутствующая и активная в великом произведении»². В этом фрагменте Святослав Николаевич изложил свое понимание Красоты, во всем ее энергетическом богатстве. «Естественный эволюционный поток, выявляющий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы» есть та сформулированная Святославом Николаевичем Истина, которая ставит Красоту, выраженную в подлинном искусстве, в энергетический ряд Космической эволюции, придавая ей важнейшую роль в этой эволюции и объясняя извечную, нередко бессознательную, тягу человека к Красоте. Ибо Красота есть та высшая энергетика, которая и формирует тот «естественный эволюционный поток», о котором повествуют книги Живой Этики. «Для меня совершенно реально и очевидно, что в искусстве и красоте заключены сверхъестественные силы»³, – поясняет он. Он употребляет слово «сверхъестественный» отнюдь не в расхожем его смысле, а имея в виду ту энергетику высоких вибраций, которая еще недоступна человеку.

Красоту, с которой мы соприкасаемся в нашем плотном физическом мире, можно разделить на две группы. Красота, созданная энергетикой Природы и несущая в себе ее дух, ее силу, и Красота рукотворная, результат творчества самого человека и также несущая в себе его силу или энергию духа. Возникая на разных уровнях, и Красота природная, и Красота рукотворная тем не менее имеют в себе много общего, ибо та и другая подчиняются тем же энергетическим законам, которые мы называем Законами Космоса. Святослава Николаевича как художника и мыслителя привлекала, в первую очередь, тайна Красоты рукотворной. Он исследует ее механизмы, стремится определить ее скрытые пружины и проявить сокровенные корни. Красота не может быть создана без высшего идеала, справедливо считал он. Разрушение этого идеала – духовного или эстетического – приводит к обезображиванию жизни, к гибели ее эволюци-

---

¹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 62–63.

² Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 64.

³ Там же. С. 37.

онного стержня. Утерю высшего эстетического идеала мы наблюдаем во всем мире и в нашей стране также, где на смену разрушенному идеалу идут фальшивые ценности западной массовой культуры, которая калечит неустойчивую энергетику тех, кто так или иначе оказался подвержен такой «культуре». С этой точки зрения работы Святослава Николаевича имеют для нас непреходящее значение. Вестник Красоты и ее творец, он не устал разьяснять ее эволюционный смысл, настаивая, так же как и его отец, на непреложности этого смысла: «Поиск прекрасного является наследственной эволюционной силой»⁴.

Эта «наследственная эволюционная сила» зазвучала в человеке с самого начала его существования и развивалась в нем на протяжении тысячелетий его истории. Без этой природной силы не могли бы сформироваться ни культура, ни творчество, ни связь с Высшим. Сама эта сила носила религиозный характер, так же как и самые первые петроглифы, высеченные человеком на скале, или первые его росписи, или вылепленные им фигурки богов. Иными словами, искусство, появившееся на заре человеческого сознания первой звездой связи с Нездешним, уже несло в себе духовно-энергетическую силу поиска Прекрасного. И если развить эту мысль далее, то ощущение Красоты, заложенное в человеке с первых его шагов, создавало человека духовного, способного к дальнейшей эволюции. Труд же дал возможность этому человеку выразить себя и сотворить, подобно Богу, Красоту по Великому космическому закону. И поэтому искусство, реализованное в рукотворном труде, несло человеку и связь с Высшим, и способность ощутить себя этим Высшим. Именно искусство показало ему, что подлинный художник есть Бог, созидающий Красоту и увлекающий остальных к Высшему этой Красотой. Вазари, например, писал о Леонардо да Винчи: «Все его творения являются результатом Божественного предназначения, а не искусством, созданным человеком»⁵. Вот это «Божественное предназначение» и делало художника Великим Мастером, чья роль в Космической эволюции человечества равноценна роли тех Великих Душ, которые несли человечеству свет новых учений или философские концепции, способствующие познанию окружающего мира.

Из многих бесед со Святославом Николаевичем я поняла, как много и серьезно интересовал его вопрос – что именно способствует появлению таких Мастеров и какова их действительная роль в эволюции. Он вовлек меня в размышления обо всем этом, и мы даже спорили с ним. Но он всегда оказывался прав. Как-то во время моего очередного визита к нему он протянул мне пачку листов. Это была его лекция о гуманизме в искусстве в одном из индийских университетов. И в ней я нашла глубокую формулировку, касающуюся Великих Душ и Великих Мастеров. «Эти поиски высших ценностей повторяются периодически, и кульминацией обычно становится момент, когда дремлющие до сих пор творческие силы внезапно раскрываются и появляются Великие Души, будто притянутые невидимым, неизвестным магнитом, чтобы, используя весь накопленный опыт прошлого, создавать новые формы и сочетания. Эта переоценка высших человеческих ценностей всегда являлась одним из мощных стимулов для продвижения вперед»⁶.

«Переоценка высших человеческих ценностей» и создавала очередную ступень эволюционной лестницы космического восхождения человечества, которую творили Великие Души и Великие Мастера. Эта мысль Святослава Николаевича вскрывала самую суть творческого процесса, завершением которого были эти Великие сущности. Их появление или, скорее, явление было связано с духовной работой целых поколений человечества, которые участвовали в энергоинформационном обмене с Высшим. Великий Мастер есть проявление Высшего творчества на Земле, в котором участвуют миры различных состояний материи и различных ее измерений. Фактически это процесс преображения самого человека и достижения им высокой степени

---

⁴ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 24.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 30.

богочеловека, указание на которого мы находим в Живой Этике. Я была не однажды свидетелем того удивительного творческого развития идей Живой Этики, методом которого блестяще владел Святослав Николаевич. Его мысль пробуждала всегда что-то во мне и содействовала, как я сама определяла, просветлению ума и сердца. В одной из бесед Святослав Николаевич обратил мое внимание на то, что именно трехмерный плотный мир играет в процессе преобразования человека важнейшую роль. Диалектика Космической эволюции заключается именно в том, что без грешной Земли нет богочеловека. Первые шаги Великого неотделимы от этого мира. Он, Великая Душа, или Великий Мастер, как бы опирается на плотную энергетическую основу земного человечества, чтобы взлететь туда, где ждут его миры иных измерений, иных состояний материи. Но, преобразив себя в более высокую сущность, он уже создает своим творчеством то энергетическое поле, которое продвигает человечество дальше и выше, и таким образом облегчает и ускоряет эволюционный путь самого человечества.

Энергия произведения искусства – совершенно особая. Она больше, чем что-либо другое на Земле, связана с энергетикой миров иных измерений. В Великом Мастере, в его творчестве как бы звучат струны этих нездешних миров, ибо ни одно явление на Земле не может быть познано или понято без этой музыки, без ее тонкой энергетики, которая присутствует также в каждом из нас и складывает миры нашего духа. Творчество Великого Мастера зарождается где-то на тончайшей грани, соединяющей миры иные с нашим, той грани, которая потом и отразит, светом или мыслью, Красоту этих миров в самом произведении.

В архиве Международного Центра Рерихов, уже после того как Святослав Николаевич передал России наследие своих родителей, я обнаружила одно из его писем Павлу Федоровичу Беликову. «Наш творческий процесс, – писал Святослав Николаевич, – это воплощение нашего внутреннего мира, звучание нашего духа. Но так же, как бывает трудно, подчас невозможно выразить словами то, что мы ощущаем в глубинах нашего сердца, так же трудно, даже труднее бывает воплотить это в двух измерениях полотна. Всякое истинное творчество нераздельно связано с внутренним миром художника и в известной степени является мерилем его истинного Я. Я говорю “в известной степени”, ибо разные физические ограничения неизбежно налагают свою печать»⁷.

Подобный опыт самого Святослава Николаевича был столь богат и разнообразен, что, может быть, он, как никто другой, чувствовал те «физические ограничения» нашего плотного мира, которые с особой силой проявляются в художественном творчестве. Именно в этом пространстве возникает противоречие, которое и составляет суть действия между желаемым и действительным, между мечтой и ее реализацией. Это желаемое и мечта рождаются в нездешнем мире, но воплощаются на Земле. Поэтому творчество в области Красоты и искусства несет нам дыхание и аромат иных миров, озаряя нас их энергетикой. И чем выше Мастер по своим устремлениям и идеалам, тем ощутимей энергетика миров иных измерений. Великий Мастер своим трудом и талантом преодолевает противоречие между плотным и тонким состояниями материи и максимально приближается, находясь в плотном мире, к понятиям тонким – желаемому и мечте. Он как бы преодолевает сопротивление плотной материи, совершая прорыв в неизведанные глубины Космоса, соприкасаясь с более высокими измерениями и впитывая в себя энергетику их миров. Вазари называл эту энергетику Небесным огнем. Возможно, этот Небесный огонь Красоты и вдохновения притягивает нас к творениям Великих Мастеров, влияет на нас, организует нашу энергетику в том единственно верном направлении, которое соответствует самому естественному потоку эволюции. Святослав Николаевич говорил о таинственной силе, которая заключена в совершенных пропорциях подлинного искусства. И «Небесный огонь», и «таинственная сила» свидетельствуют об одном и том же явлении – Красоте и ее энергетике, и той Истине, которая содержится в этом явлении. Сама эта Красота,

---

⁷ Письмо С. Н. Рериха П. Ф. Беликову от 30 июня 1966 г. / Непрерывное восхождение. М., 2001. Т. I. С. 169.

созданная Великим Мастером, может выражать Истину языком искусства, энергетика которого тоньше и богаче слова. Существуют различные методы воздействия на энергетику человека и передачи ему необходимой информации. Искусство является наиболее концентрированным и всесторонним методом воздействия не только на мозговые центры человека, но и на все остальные.

Святослав Николаевич, как и его отец, говорил, что свет искусства озарит сердца новой любовью. Мне не сразу была понятна эта мысль, а новая любовь не вызывала у меня никаких ассоциаций. Но по мере проникновения в глубь сказанного Святославом Николаевичем я уяснила, что речь шла опять-таки о Красоте, даруемой истинным искусством человеку, которая несет каждому новому эволюционному витку свои открытия. Новая любовь, о которой говорил Святослав Николаевич, есть достояние надвигающейся ступени Космической эволюции. Она встретит человечество у тех особых ворот, ключ от которых, по выражению Рабиндраната Тагора, находится в исключительном владении современного искусства.

«Истина в Красоте, – сказано в одной из книг Живой Этики. – Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению Красотою»⁸. Исследуя и осмысливая «священное царство Красоты», по его же собственному выражению, Святослав Николаевич находил в нем все новые и новые грани. Будучи оригинальным философом и прекрасно владея энергетическим мировоззрением Живой Этики, он всегда обращал в своих писаниях, выступлениях, доверительных беседах наше внимание на те стороны энергетического процесса Прекрасного, которые мы, возможно, и не замечали. Николай Константинович Рерих строил свою концепцию исторического процесса на единстве прошлого, настоящего и будущего. Он справедливо считал, что будущее опирается на прошлое, забирая у этого прошлого все то, что может лечь в фундамент будущего развития. Святослав Николаевич, осмысливая пути Прекрасного, исследуя его энергетику, говорил о настоящем, в котором время от времени происходит энергетический всплеск прошлого, переосмысление этого прошлого и возрождение его на новой основе. Позиции отца и сына, затрагивающие различные грани взаимодействия прошлого, настоящего и будущего, не противоречили друг другу.

Святослав Николаевич, открыв свою грань в таком взаимодействии, считал, что открытие и переосмысление великого прошлого создают вдохновение и творческий порыв. Эпоха Ренессанса, художников и философов которого он очень любил, собрал большую библиотеку о них, была для него блестящим примером такого прорыва прошлого. Во многих наших с ним беседах он часто возвращался к размышлениям о культуре Ренессанса. Ибо в этой эпохе, сменившей Средневековье, присутствовали и вдохновение, и творческий порыв, так им любимые и почитавшиеся. Мир античности как бы оплодотворил своей энергетикой культуру позднего европейского Средневековья, и она получила новое качество, создавшее блестящую эпоху, наполненную искусством самого высокого духа. Именно Красота оказалась мощным энергетическим возбудителем развития нового этапа культуры, когда творцы и созидатели ее, притянутые магнитом Прекрасного Древней Греции и Рима, синтезировали их с тем, что создано Средневековьем, и, поправ свойственный последнему аскетизм и ограниченность, потянулись к Радости, Солнцу и Свету.

Каждое искусство время от времени, говорил Святослав Николаевич в одной из лекций, «пытается открыть заново или воскресить великий дух, который двигал древними, и это повторное открытие ведет к новым свершениям, завоеваниям и опять же к новому развитию»⁹. Синтез древности и современности, создавший эпоху Ренессанса, напоил своей энергетикой искусство Европы на длительный период и продвинул ее философскую мысль далеко вперед.

---

⁸ Беспредельность, 178.

⁹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 25.

Этот синтез значительно расширил границы «священного царства красоты», воскресив «великий дух, который двигал древними».

Святослав Николаевич большую часть жизни прожил в Индии. Было ли это для него случайностью? Вряд ли. Именно Индия, ее философия, красота и утонченность были источником его художественного вдохновения и его творчества в целом. Среди остальных Рерихов именно он был больше всего, если можно сказать, «индийцем». Его тесная связь с Индией была закреплена также его женитьбой на выдающейся индийской киноактрисе Девике Рани, внучатой племяннице Рабиндраната Тагора. «В 1928 году, – рассказывал он, – я возвращался в Индию после продолжительного отсутствия. И когда сошел с корабля в Бомбее, почувствовал, как будто вернулся к чему-то особенно знакомому и близкому, как будто вернулся на землю, которую так хорошо знал»¹⁰.

Мое индологическое призвание сыграло немаловажную роль в развитии нашей дружбы. Еще до нашего знакомства ему были известны мои книги об Индии, и они его, как он мне рассказывал, заинтересовали. Моя увлеченность этой страной ему очень импонировала. Сам же он был также увлечен Индией и прекрасно ее знал. Мне, индологу, было очень далеко в этом отношении до него. Он носил в себе какое-то удивительное внутреннее познание этой страны. Он запечатлел на своих полотнах ее красоту и считал ее второй Родиной. Для него Индия была всегда чем-то очень важным. Его высокая духовность складывалась под влиянием ее культуры. Индия, как магнит, всегда манила его и притягивала. Надо сказать, что в этом отношении он не был одинок. Магнетизм Индии испытывали многие. Пожалуй, это самое главное чудо, которым обладает эта древняя страна. В чем же все-таки тайна ее великой притягательности? Прежде всего в непрерывности культурной традиции, которая объясняет и все остальное. Многие тысячелетия протекли над Индией, ее снежными горами, знойными равнинами и раскаленными пустынями. И так сложилось, и, возможно, тоже не случайно, что главная нить культурной преемственности в этой стране не прерывалась. Прошедшие по пространству Индии народы не исчезли, как это было с древними египтянами, шумерами и многими другими, чьи следы, может быть, еще не отысканы. Самые загадочные, самые древние народы остались в Индии со своей культурой, своей кровью, текущей в жилах современных индийцев. Непрерывно развивающаяся культура формировала духовный облик индийца, создавала непревзойденные шедевры искусства, шлифовала драгоценные камни индийской философской мысли и мудрости. Культура и Красота сотворили в Индии в течение многих веков упругое поле сильной и тонкой энергетики, на которое опирались и дальнейшее развитие страны, и ее эволюция. Судьбе и богам было угодно, чтобы на планете существовала хотя бы одна страна, способная продемонстрировать ярко и красиво эволюционную суть Культуры и Красоты. Именно Индия удостоилась этой высокой чести. Сопричастность индийской культуры мирам более высоких измерений, философское осмысление связей с ними и умение разумно ими пользоваться являются отличительной чертой этой культуры. Вступая в энергоинформационный обмен с последней, страны и народы получали от нее бесценные сокровища – иные подходы к решению проблем совершенствования человека, мудрую практику развития духа и, наконец, космический взгляд на эволюцию человечества. Принимая все это во внимание, Святослав Николаевич утверждал, что индийский народ с самых ранних времен погружал свои мысли в великое пространство Вселенной и понимал многое из того, что мы начинаем понимать только теперь. Возможно, что именно погружение мысли в это великое пространство Вселенной и ощущение своего единства с Космосом и сделали Индию со временем духовным магнитом, или духовным сердцем планеты. Во взаимодействии с различными энергиями и состояниями материи шло формирование индийской духовной и интеллектуальной утонченности, складывалось удивительно точное ощущение Красоты, ее форм и красок.

---

¹⁰ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 62.

Историческая судьба Индии также была необычной. Несмотря на свою высокую духовную культуру, она, тем не менее, не являлась тихим и благостным ашрамом, изолированным от всего мира. Она находилась на перепутье многих торговых путей, и набеги, вторжения и войны не миновали ее. Начиная с древности и кончая новым временем, как будто притянутые все тем же магнитом, в Индию вливались чужие племена и народы. Однако никому из них, включая и среднеазиатских мусульман, и в какой-то мере европейских колонизаторов, не удалось стать завоевателями в полном смысле этого слова. Никому из них не удалось ассимилировать, несмотря на неоднократные попытки, ее народ. Все происходило как раз наоборот: Индия ассимилировала пришельцев, брала лучшее из их культуры, отметала ненужное. Каждый раз энергетическое поле культуры вторгшихся в эту страну оказывалось намного слабее индийского. Собственно, это и решало судьбу народов, пришедших в соприкосновение с Индией. Никакие ухищрения так называемых завоевателей – военные, административные и даже материальные – не давали ожидаемых результатов. Все решала, в конечном счете, энергетика. Завоеватели влипали, как мухи, в мед энергетического поля индийской культуры и навсегда оставались там.

В один из дней в январе 1971 года мы вели со Святославом Николаевичем беседу на эту тему. Индия, говорил он, все перерабатывала, поглощала, всему придавала свой облик. И это не случайно. Мысль Индии синтетична: она в себя все вмещает, она ничего не исключает, все принимает, все содержит.

И я, работая многие годы в этой стране, убеждалась в правоте мыслей, высказанных Святославом Николаевичем. Кроме него я больше никого не встречала, кто бы так тонко и точно определил внутреннюю суть Индии и так ясно сформулировал то, что ощущал в ней интуитивно и, я бы сказала, духовно.

Духовное поле Индии всегда привлекало к себе великих художников и великих мыслителей. Святослав Николаевич принадлежит к ним. Его творчество неразрывно связано с жизнью и культурой этой страны. На одной из первых своих выставок в нашей стране, – а это было в 1960 году, – Святослав Николаевич произнес речь, которая меня поразила и проникла в самую глубину души. В те дни я с огромным трудом достала приглашение на вернисаж и провела на выставке полдня. Все было там таким новым и привлекательным, и сама Индия, которую я уже видела собственными глазами, предстала передо мной совсем другой, какой-то обновленной. Много лет спустя он передал мне свою речь для публикации ее в нашем сборнике. «Большинство моих картин, – сказал он, – как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала»¹¹. Тогда же до знакомства с ним у меня оставалось еще восемь долгих лет...

Именно Индия подарила Святославу Николаевичу радость встреч и регулярных контактов с Высокими Сущностями, стоящими много выше нас на лестнице Космической эволюции. Это были Великие Души, или Учителя Рерихов, в сотрудничестве с которыми и была создана Философия реального Космоса – Живая Этика. Благодаря родителям, говорил Святослав Николаевич, «я познал великие ценности жизни и имел контакты с Личностями, которые давно прошли по великому и царственному пути самоосвобождения»¹². Я узнала о Них через Святослава Николаевича. Именно у него получила первую книгу Живой Этики, она называлась «Беспредельность». Святослав Николаевич до самого последнего своего часа сохранял связь с Великим Учителем. Когда он остался один, эта связь многое облегчила в его нелегкой жизни. Рассказывая мне об Учителе, – а это было нередко, – о его свойствах и особенностях, о первой встрече с Ним, Святослав Николаевич соблюдал удивительную бережность. Иногда назы-

---

¹¹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 42.

¹² Там же. С. 63.

вал Учителей «более совершенными людьми, найти которых может только тот, кто готов для этого и кого они сами хотят встретить»¹³. Говоря об Учителях, он становился строг лицом, а глаза его обретали удивительную глубину и уходили куда-то в таинственную даль. И, наблюдая за ним в такие моменты, я не могла отделаться от какого-то внутреннего чувства, что передо мной один из них, из Великих Душ, на долю которого досталась нелегкая и одинокая жизнь на нашей планете. Потом, много лет спустя, я нашла в письме Елены Ивановны подтверждение этому моему ощущению. Но в своих взаимоотношениях с людьми и, в частности, со мной он никогда, ни словом, ни намеком, не давал понять, что и он принадлежит к когорте совершенных людей. Временами он был непредсказуем и совершал неожиданные поступки, реальный смысл которых уяснялся позже. Касаясь сокровенной темы Учителей, Святослав Николаевич проявлял высокое чувство такта по отношению к Тем, Кто, по словам его, представлял те силы, которые стараются к нам пробиться, чтобы олицетворить себя здесь, на Земле. Он был крайне осторожен и точен в своих выражениях и всегда служил для меня образцом для подражания. Он хорошо понимал, что малокультурные и невежественные люди стараются сделать из факта существования Учителей и их «великого царственного пути» расхожую сенсацию или средство для собственного возвышения. Нередко такие люди пытаются стать «учителями» и часто называют себя таковыми, не подозревая о том, что истинный Учитель никогда так себя не назовет. Болезнью ложного учительства страдает и российское рериховское движение, что приводит к умалению статуса ученика, важнейшего этапа на пути совершенствования человека. Святослав Николаевич, находясь во взаимодействии с Великими Душами и сам таковой являясь, никогда не называл себя Учителем. Он просто им был. И никогда, кстати, не претендовал на всеобъемлющее знание Живой Этики, хотя она создавалась на его глазах и с его помощью. Тем смешнее выглядят те, которые заявляют, а это иногда происходит в присутствии немалого числа людей, об «абсолютном знании Живой Этики». Энергетическое влияние Святослава Николаевича, ученика космического Иерарха, было велико и, несомненно, меняло энергетику тех, кто входил с ним в контакт и чья энергетика была готова к такому изменению.

Мудра и глубока мысль Святослава Николаевича, которую он выразил в одной из бесед, – меньше стараться обучать друг друга. Главное – самосовершенствование. Начинать надо с переделки самого себя. Это основа всего. Тогда мы сможем помочь и другим. Учительство он рассматривал как помощь другим, а не как средство возвышения над другими. В этой мысли заложен глубокий этический смысл. Великие Души и Великие Учителя приходят, чтобы помочь человечеству. Те же, кто могут, учатся у них. Ибо научить нельзя, научиться можно. И это зависит от самого человека. Ни поучения, ни принуждение, ни насилие – не помогут. Человек сам выбирает себе дорогу и идет по этой дороге один. Когда по ней устремляются «дружные ряды», то вряд ли можно ожидать значительного результата в духовном совершенствовании. Попытка коллективного совершенствования – это пережиток тоталитарного мышления со всеми вытекающими из него последствиями. В противоположность этому вера в самого человека, которую всегда проявлял Святослав Николаевич, представляется главным на «великом и царственном пути самоосвобождения». Он верил в человека и надеялся, что ему ответят тем же. Но это не всегда случалось. Он часто приезжал в Москву, и каждый раз его осаждали желающие с ним пообщаться. В гостинице «Советская», где он обычно останавливался, в дни его пребывания становилось многолюдно и шумно. Он никому не отказывал и для каждого находил время. К концу дня, конечно, уставал, но старался не показывать вида. Не любил, когда какая-то его слабость становилась заметна другим. Но иногда обстоятельства складывались таким образом, что у него не оставалось сил сдерживать себя. В один из дней его визита в 1984 году я пришла в гостиницу. Святослав Николаевич сидел на диване, мне показалось,

---

¹³ Там же. С. 81.

чем-то очень взволнованный. Я спросила, в чем дело. Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах всплески какой-то глухой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.